

Константин Батюшков

Опыты в стихах и прозе.

Часть 2. Стихи

Константин Николаевич Батюшков

Опыты в стихах и прозе. Часть 2. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2901615

Аннотация

«Вот список мой стихов, Который дружеству быть может драгоценен. Я добрым гением уверен, Что в сем Дедале рифм и слов Недостает искусства: Но дружество найдет мои, в замену, чувства, Историю моих страстей, Ума и сердца заблужденья, Заботы, суеты, печали прежних дней И легкокрылы наслажденья; Как в жизни падал, как вставал, Как вовсе умирал для света, Как снова мой челнок фортуне поверял...»

Содержание

К друзьям	4
Элегии	6
Надежда	6
На развалинах замка в Швеции	8
Элегия из Тибулла	13
Воспоминание	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Константин Николаевич Батюшков

Опыты в стихах и прозе. Часть 2. Стихи

Vade, sed incukns...¹

К друзьям

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может драгоценен.
Я добрым гением уверен,
Что в сем Дедале рифм и слов
Недостает искусства:
Но дружество найдет мои, в замену, чувства,
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легкокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал,
Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок фортуне поверял...
И словом, весь журнал

Здесь дружество найдет беспечного Поэта,
Найдет и молвит так:
«Наш друг был часто легковерен;
Был ветрен в Пафосе; на Пинде был чудак;
Но дружбе он зато всегда остался верен;
Стихами никому из нас не докучал
(А на Парнасе это чудо!)
И жил так точно, как писал...
Ни хорошо, ни худо!»

Элегии

Надежда

Мой дух! доверенность к Творцу!
Мужайся; будь в терпении камень.
Не он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,
И силу – в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был Вожатай неизменной?
Он! Он! Его все дар благой!
Он нам источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Все дар его, и краше всех

Даров – надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный берег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

На развалинах замка в Швеции

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар глядит
На хляби и берега безмолвны.
И все в глубоком сне поморие кругом.
Лишь изредка рыбарь к товарищам зовет,
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
В безмолвии ночном.
Я здесь, на сих скалах, висящих над водой,
В священном сумраке дубравы
Задумчиво брожу и вижу пред собой
Следы протекших лет и славы:
Обломки, грозный вал, поросший злаком ров,
Столбы – и ветхий мост с чугунными цепями,
Твердыни мшистые с гранитными зубцами
И длинный ряд гробов.
Все тихо: мертвый сон в обители глухой.
Но здесь живет воспоминанье:
И путник, опершись на камень гробовой,
Вкушает сладкое мечтанье.
Там, там, где вьется плющ по лестнице крутой
И ветер колышет стебель иссохшая полыни,
Где месяц серебрил угрюмые твердыни
Над спящею водой, —
Там воин некогда,

Одена храбрый внук,
В боях приморских поседелый,
Готовил сына в брань, и стрел пернатых пук,
Броню заветну, меч тяжелый
Он юноше вручил израненной рукой
И громко восклицал, подъяв дрожащи длани:
«Тебе он обречен, о бог, властитель брани,
Всегда и всюду твой!

А ты, мой сын, клянись мечом своих отцов
И Гелы клятвою кровавой
На западных струях быть ужасом врагов
Иль пасть, как предки пали, с славой!»
И пылкий юноша меч прадедов лобзал,
И к персям прижимал родительские длани,
И в радости, как конь при звуке новой брани,
Кипел и трепетал.

Война, война врагам отаческой земли! —
Суда наутро восшумели.

Запенились моря, и быстры корабли
На крыльях бури полетели!
В долинах Нейстрия раздался браней гром,
Туманный Альбион из края в край пылает,
И Гела день и ночь в Валкалу провождает
Погибших бледный сонм.

Ах, юноша! спеши к отеческим брегам,
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер вослед твоим судам,
Герой, победою избранный!
Уж скальды пиршество готовят на холмах.

Зри: дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,
И вестник радости отцам провозглашает
Победы на морях.

Здесь, в мирной пристани, с денницей золотой
Тебя невеста ожидает,

К тебе, о юноша, слезами и мольбой
Богов на милость преклоняет...

Но вот в тумане там, как стая лебедей,
Белеют корабли, несомые волнами;

О, вей, попутный ветер, вей тихими устами
В ветрила кораблей!

Суда у берегов, на них уже герои
С добычей жен иноплеменных;

К нему спешит отец с невестою молодой
И лики скальдов вдохновенных.

Красавица стоит, безмолвствуя, в слезах,
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,
Как месяц в небесах...

И там, где камней ряд, седым одетый мхом,
Помост обрушенный являет,

Повременно сова в безмолвии ночном
Пустыню криком оглашает, —

Там чаши радости стучали по столам,

Там. храбрые кругом! с друзьями ликовали,

Там— скальды пел-и брань, и персты их летали
По пламенным струнам.

Там пели звук мечей и свист пернатых стрел,

И треск щитов, и гром ударов,

Кипящу брань среди опустошенных сел
И грады в зареве пожаров;
Там старцы жадный слух склоняли к песне сей,
Сосуды полные в десницах их дрожали,
И гордые сердца с восторгом вспоминали
О славе юных дней.

Но все покрыто здесь угрюмой ночи мглой,
Все время в прах преобратило!

Где прежде скальд гремел на арфе золотой,
Там ветер свищет лишь уныло!

Где храбрый ликовал с дружиною своей,
Где жертвовал вином отцу и богу брани,
Там дремлют, притаясь, две трепетные лани
До утренних лучей.

Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх,
Земель полнощных исполины,

Роальда спутники, на бранных челноках
Протекши дальние пучины?

Где вы, отважные толпы богатырей,

Вы, дикие сыны и брани и свободы,

Возникшие в снегах, средь ужасов природы,

Средь копий, средь мечей?

Погибли сильные! Но странник в сих местах

Не тщетно камни вопрошает

И руны тайные, преданья на скалах

Угрюмой древности, читает.

Оратай ближних сел, склонясь на посох свой,

Гласит ему: «Смотри, о сын иноплеменный,

Здесь тлеют праотцев останки драгоценны:

Почти их гроб святой!»»

Элегия из Тибулла

Вольный перевод

Мессала! Без меня ты мчишься по волнам
С орлами римскими к восточным берегам;
А я, в Феакии оставленный друзьями,
Их заклинаю всем, и дружбой, и богами,
Тибулла не забыть в далекой стороне!
Здесь Парка бледная конец готовит мне,
Здесь жизнь мою прервет безжалостной рукою...
Неумолимая! Нет матери со мною!
Кто будет принимать мой пепел от костра?
Кто будет без тебя, о милая сестра,
За гробом следовать в одежде погребальной
И миро изливать над урною печальной?
Нет друга моего, нет Делии со мной, —
Она и в самый час разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
В священном ужасе бессмертных вопрошала —
И жребий счастливый нам отрок вынимал.
Что пользы от того? Час гибельный настал,
И снова Делия, печальна и уныла,
Слезами полный взор невольно обратила
На дальний путь. Я сам, лишенный скорбью сил,
«Утешься», — Делии сквозь слезы говорил;
«Утешься!» — и еще с невольным трепетаньем

Печальную лобзал последним лобызаньем.
Казалось, некий бог меня останавлиал:
То ворон мне беду внезапно предвещал,
То в день, отцу богов Сатурну посвященный,
Я слышал гром глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умеете любить,
Страшится любовь разлукой прогневить!
Но, Делия, к чему Изиде приношенья,
Сии в ночи глухой протяжны песнопенья
И волхвованье жриц, и меди звучный стон?
К чему, о Делия, в безбрачном ложе сон
И очищения священною водою?
Все тщетно, милая, Тибулла нет с тобою.
Богиня грозная! Спаси его от бед,
И снова Делия мастики принесет,
Украсит дивный храм весенними цветами
И с распущенными по ветру волосами,
Как дева чистая, во ткань облечена,
Воссядет на помост: и звезды, и луна,
До восхождения румяныя Авроры,
Услышат глас ее и жриц фарийских хоры.
Отдай, богиня, мне родимые поля,
Отдай знакомый шум домашнего ручья,
Отдай мне Делию: и вам дары богаты
Я в жертву принесу, о Лары и Пенаты!
Зачем мы не живем в златые времена?
Тогда беспечные народов племена
Путей среди лесов и гор не пролагали
И ралом никогда полей не раздирали;

Тогда не мчалась ель на легких парусах,
Несома ветрами в лазоревых морях,
И кормчий не дерзал по хлябям разъяренным
С сидонским багрецом и с золотом бесценным
На утлом корабле скитаться здесь и там.
Дебелый вол бродил свободно по лугам.
Топтал душистый злак и спал в тени зеленой;
Конь борзый не кропил узды кровавой пеной;
Не зрели на полях столпов и рубежей,
И кущи сельские стояли без дверей;
Мед капал из дубов янтарною слезою;
В сосуды молоко обильною струею
Лилось из сосцов питающих овец —
О мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь безмолвных!
При вас, на пагубу друзей единокровных,
На наковальне млат не исковал мечей,
И ратник не гремел оружием среди полей.
О век Юпитеров! О времена несчастны!
Война, везде война, и глад, и мор ужасный,
Повсюду рыщет смерть, на суше, на водах...
Но ты, держащий гром и молнию в руках!
Будь мирному певцу Тибуллу благосклонен,
Ни словом, ни душой я не был вероломен;
Я с трепетом богов отчизны обожал,
И если мой конец безвременный настал, —
Пусть камень обо мне проходим возвещает:
«Тибулл, Мессалы друг, здесь с миром почивает».
Единственный мой бог и сердца властелин,

Я был твоим жрецом, Киприды милый сын!
До гроба я носил твои оковы нежны,
И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
В Элизий проведешь таинственной стезей,
Туда, где вечный май меж рощей и полей,
Где расцветает нарцисс и киннамонная лоза
И воздух напоен благоуханьем розы;
Там слышно пенье птиц и шум бьющих вод;
Там девы юные, сплетаясь в хоровод,
Мелькают меж деревьев, как легки привиденья;
И тот, кого постиг, в минуту упоенья,
В объятиях любви, неумолимый рок,
Тот носит на челе из свежих мирт венки.
А там, внутри земли, во пропастях ужасных
Жилище вечное преступников несчастных,
Там реки пламенны сверкают по пескам,
Мегера страшная и Тизифона там
С челом, опутанным шипящими змиями,
Бегут на дикий берег за бледными тенями.
Где скрыться? Адский пес лежит у медных врат,
Рыкает зев его... и рой теней назад!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкелад и Тифий преогромный
Питают жадных птиц утробой своей.
Там хищный Иксион, окованный змией,
На быстром колесе вертится бесконечно;
Там в жажде пламенной Тантал бесчеловечный
Над холодной рекой сгорает и дрожит...
Всё тщетно! вспять вода коварная бежит,

И черпают ее напрасно Данаиды,
Все жертвы вечные карающей Киприды.
Пусть там страдает тот, кто рушил наш покой
И разлучил меня, о Делия, с тобой!
Но ты, мне верная, друг милой и бесценной,
И в мирной хижине, от взоров сокровенной,
С наперсницей любви, с подругою твоей,
На миг не покидай домашних алтарей.
При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясной
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы,
Забудешься, мой друг, и томные зеницы
Закроет тихий сон, и пряслица из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг,
Как небом посланный внезапно добрый гений.
Беги навстречу мне, беги из мирной сени,
В прелестной нагоде явись моим очам:
Власы развеяны небрежно по плечам,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда ж Аврора нам, когда сей день блаженный
На розовых конях, в блистаньи принесет
И Делию Тибулл в восторге обоймет?

Воспоминание

Мечты! – повсюду вы меня сопровождали
И мрачный жизни путь цветами устилали!
Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях,
Когда весь стан дремал в покое
И ратник, опершись на копие стальное,
Смотрел в туманну даль! Луна на небесах
Во всем величии блистала
И низкий мой шалаш сквозь ветви освещала;
Аль светлый чуть струю ленивую катил
И в зеркальных водах являл весь стан и рощи;
Едва дымился огонь в часы туманной ночи
Близ кущи ратника, который сном почил.
О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,
Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну —
И буря дней моих исчезла как мечта!..
Осталось мрачно вспоминая...
Между протекшего есть вечная черта:

Нас сблизит с ним одно мечтанье,
Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту
И видя сто смертей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.